

БОГ ДАСТ, СВАДЬБЫ НАЧНУТСЯ...
(народные обряды и верования в прозе Е.И. Носова)

Л.И. Ларина

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
e-mail: larlil@mail.ru

Т.М. Малыхина

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
e-mail: etnolingv@mail.ru

С.П. Праведников

Доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языка
e-mail: spprav618@mail.ru

Курский государственный университет

В статье рассматриваются этнокультурные элементы, включенные в художественные произведения Е.И. Носова в виде фрагментов описаний обрядов и верований и представляющие собой ценный источниковедческий материал о народной традиционной культуре.

Ключевые слова: *духовная культура, народные традиции, обряд, художественный текст, Е.И. Носов.*

Исчезновение из современной жизни элементов традиционной духовной культуры, обусловленное объективными факторами, приводит к информационному дефициту, который возможно компенсировать, обращаясь к художественным произведениям. Большинство прозаических и поэтических текстов вербализует этнокультурную информацию, аккумулируя утратившиеся в настоящее время народные традиции.

Курский прозаик Е.И. Носов обладает «умением рассказать об увиденном, услышанном, пережитом, и не просто рассказать, а показать это зримо, выпукло, живописно» [Книга о Мастере 1998: 103]. Многие его произведения биографичны, в них отражена реальная жизнь сельской глубинки, и не только бытовая ее сторона, но и духовная, с народными обрядами и верованиями, уходящими своими корнями в далекое прошлое.

Наше внимание привлекли этнокультурные элементы, включенные в художественные произведения Е.И. Носова в виде фрагментов описаний обрядов и верований и представляющие собой ценный источниковедческий материал о народной традиционной культуре.

Биографический рассказ «Сронилося колечко» посвящен воспоминаниям о детстве, о деревенских буднях у дедушки Леша и бабушки Вари, которые рассказывали много интересного о прошлой жизни: – *В те года в городе при каждом празднике ярмарки устраивались. На Маслену – своя, на Красную горку – своя. На Троицу – покосная ярмарка. Народу съезжается! Гармошки, ряженые!* (III, 282) (подробнее о народных календарных праздниках в художественном дискурсе Е.И. Носова см.: [Ларина 2016]). Также в этом рассказе приводится небольшая информация о семейных обрядах, в частности, о свадьбе: – *А теперь. Бог даст, свадьбы начнутся. Две уже сыграли – матушку твою да Маруську спровадили, а другие, вон, уже... гадают, ...не заметила, как заневестились, следом друг за дружкой идут; – Отворила я ему сундук, а там у меня одно только столовое: проишенные скатерти еще в приданое давали, стопка накопленных рушников...* (III, 283).

Более подробно описание свадебной обрядности приводится в рассказе «Два сольди», созданном на основе воспоминаний более позднего периода, когда автор приезжал гостем в деревню, «в родовую избу, хотя ни деда, ни бабки уже не было вживе»: *Помню, как играли свадьбу, как по последней санной дороге привезли горбатый сундук с приданым, покрытый домотканой попоной и веревками привязанный к розвальням. Грива Буланки по этому случаю была заплетена в мелкие косицы, украшенными шелковыми лентами. Такой же кумачовый бант красовался с левой стороны дяди Илюшиной суконной фуражки. Помню шумную свадебную тесноту в хате, ...пироги с горохом и картошкой, гречишную соломаху с калиной. На другой день ...гости бросали в стоявший на вышитом рушнике поднос серебряную мелочь, а то и бумажки, а потом... с хрустом дотапывали черепки и осколки, выкрикивая пожелания добра и благополучия дому* (III, 299-300). По такому южнорусскому сценарию проводились свадьбы во многих селах Курского края, до настоящего времени сохранившие отдельные элементы. Например, *битье горшков* – ритуал, характерный для свадебной обрядности не только Курщины, но и известный в других культурных традициях [Словарь русских народных говоров: 7: 79]. Акциональная символика его связана, в первую очередь, с манифестацией целомудрия невесты, во вторую, – с проверкой физических и хозяйственных качеств молодой, более поздняя интерпретация – пожелания счастливой семейной жизни [Ларина 1990: 53].

Специфика свадебной обрядности северных регионов отражена во фрагменте рассказа «И уплывают пароходы, и остаются берега»: – *А то ежели свадьба, – продолжает выкрикивать он. – Этим и вовсе волна ничем! В одной лодке жених с невестой да с дружками, во второй сваты, а уж опосля еще лодок восемь-десять, сколь увяжутся. Гармошки режут, а лодки все изукрашены, весла лентами повиты! Другой раз вот как волна взыграет, а бабы-девки знай себе олялешкают, да еще и поплясать*

норовят на волне-то! Я и сам-то женился. Из Типиниц бабу привез... (Ш, 350).

К обрядам семейного цикла относится также родильный обряд, наиболее интимный, табуированный, тем не менее представляющий собой этнокультурный комплекс, включающий систему обрядовых актов, участников, сакральных предметов. Одним из значимых атрибутов является *пуповина*, об охранительной функции которой идет речь в повести Е.И. Носова «Усвятские шлемоносцы», где мать Касьяна, провожая сына на войну, дает его пуповинку, обладающую, согласно народному поверью, защитными свойствами: – *Дак нашла, нашла я! – радостно шептала она, торопливо вкладывая в его ладонь тряпичный комок. – Тут пуповинка твоя. Пуповинка. От рождения твоего. На случай берегла. Дак вот и случай. Бери, бери, милай. Так надо, так надо... (IV, 235).*

По древней акушерской традиции пуповину нужно отрезать на определенном расстоянии от живота, в противном случае, по существующему народному поверью, если пуповину у новорожденной девочки отрезать ближе, то, став взрослой, она будет ветреной. Немаловажное значение отведено месту, где происходил процесс отрезания пуповины: это должен быть какой-нибудь твердый предмет, причем мальчику отрезали пуповину на дубовой плахе, чтобы был крепок, или на топорнице, чтобы лучше владел топором, или на книге, чтобы грамотным был, а девочке – на ольховой плахе, чтобы трудолюбивой была. Пуповину перевязывали льном, прядевом, материнскими волосами.

Пуповина как культурный символ представляла собой нить, соединяющую ребенка с матерью, а также с домом, родной землей, поэтому этот предмет обладал магическими свойствами и прежде всего служил человеку амулетом в различных ситуациях: когда шли косить, жать, начинали ткать, когда провожали в армию и т.д. Она была защитой от природных катаклизмов, обладала лечебными свойствами, вследствие чего ее хранили и использовали в экстренных случаях [Славянские древности: 4: 353–354].

К знаковым предметам, используемым во многих обрядах, относится *хлеб* – высшая жизненная ценность, «дар божий», главный ресурс жизни, символ достатка, благоденствия, здоровья и плодородия, повседневная и обрядовая реальность; он в своем сакральном статусе приравнивался к иконе, поэтому народная традиция предписывала целый ряд постулатов обращения с ним [Славянские древности: 5: 413–417]: – *Так что не балуй больше. Да и грех – в хлеб ногами сигать (Сронилося колечко, II, 276).*

Во многих своих произведениях Е.И. Носов акцентирует внимание на процессе выпекания хлеба, роли этого мучного изделия в жизни сельских жителей. Это не просто основной продукт питания, а нечто большее: *Они [ковриги] будто блаженно выдремывали, отдыхали после*

жаркой печи, подставив прохладе свои вознесенные взброженной силой и огнем темно-коричневые покатые верхи... (Греческий хлеб, II, 270), поэтому сама процедура его изготовления – от замешивания теста до конечного результата – представляла собой особый ритуал, священнодействие: Сколько помнит себя Касьян, выпечка хлеба всегда была в их доме непреходящим событием. Особенно перед сезонной страдой. А пуще – перед каким-нибудь праздником, сопровождаемый пирогами и ситниками (Усвятские шлемоносцы, IV, 86); В детстве Касьян всегда старался не пропустить этого радостного момента. Мать... подходила к таинственно молчаливой печи, в черной выметенной утробе которой совершалось нечто необыкновенное, томительно-долгое... (Усвятские шлемоносцы, IV, 99); Крюком кочерги бабушка подцепила крайнюю ковригу, вытащив ее на загнетку, поворочила туда-сюда, хлопывала и вдруг припала к ней лицом – оказывается, затем, чтобы определить, удалась ли выпечка... Теперь ковриги можно смело извлекать из печи. Раскладывать по свободной деревянной лавке, с чистого гусяного крыла побрызгать водицей. Чтобы умягчить корочку, накрыть холщовым рушником, после чего оставить хлебушко благостно отдыхать и вызреть окончательно, набираться силы, сладости и смаку (Аз-буки, II, 150).

Согласно народной традиции, первый ломоть хлеба отрезал старший в семье, хозяин: *Вошла бабушка с ковригой хлеба... – На-ка, кормилец, почни, – сказала она..., перекрестясь в угол... Бессчетно хлебов пеклось на Касьяновом веку, но всякий раз взрезать первую ковригу было радостно, будто вскрывалась копилка сообща затраченного труда, в которую от каждого, мал или стар, была вложена посильная лепта, и всегда это делалось при полном семейном сборе (Усвятские шлемоносцы, IV, 110). Этот ритуал строго выполняли, передавая статус резальщика по наследству: И помнилось, как он, перекрестясь и прижав ковригу ребром, ...надрезал первый закраек, разглядывал и нюхал, а бабушка...трепетно ждала своего суда, а потом дед Лукаша уступил суд Касьянову отцу, а отец вот уж и самому Касьяну (Усвятские шлемоносцы, IV, 110).*

Хлеб являлся гарантом благополучного исхода дела, в связи с этим по древней традиции, собирая путника в дальнюю дорогу, пекли **подорожники, подорожные хлебы**: *И вот уже вскоре с еще не просохшими глазами затевают подорожную стирку, спохватятся замешивать и сами подорожники... (Усвятские шлемоносцы, IV, 52); Везде затевали большие подорожные хлебы, стряпали прощальные столы (Усвятские шлемоносцы, IV, 87). В словаре В.И. Даля **подорожные калачи, пироги**, или **подорожники** – хлеб-соль... на легкий путь [Даль: III: 193]. Хлеб, испеченный родными, олицетворял домашний очаг, отчий дом: –...Что ж с чужим хлебом. На такое со своим полагается идти. Свой в сумке полегче, помятнее... (Усвятские шлемоносцы, IV, 86), он*

обладал защитными функциями, ограждая человека от всего плохого: – *Я ведь и отцу твоему пекла, когда еще на ту войну провожала. Ан цел пришел, невредимый ...* (Усвятские шлемоносцы, IV, 86).

В славянской обрядово-магической практике выпечке из теста всегда отводилась особая роль. Собственно обрядовой маркировкой отмечены **кулич** и **кулик**, традиционные мучные изделия, выпекаемые первое – на Пасху, второе – на Сороки, иногда в Средокрестие, а на Русском Севере – в день Алексея Теплого или на Благовещение. Например: – *И как это все-таки прихожане плавали в свои Кижы к престолу? Святили куличи... Детей крестили...* (Голубую лодку напрокат, III, 384); *...а утром оставить куличи и кое-чего для разговления* (Алюминиевое солнце, III, 107); – *Это вовсе не русский праздник с куличами...* (Памятная медаль, IV, 348); – *Кулик – это тебе не то да се да это самое... Ево из хлебного остатка, из одоньев не вот-то скварнакаешь. Сиволапый получится. Кулик – он ба-а-а-а-рин. Штоб лепился-то ладно да послаже был...* (Аз-буки, II, 146).

Кулич – пасхальная выпечка, которую Иисус Христос после Воскресения принимал вместе с апостолами, кулик – обрядовое печение, обычно готовившееся из пресного или кислого ржаного теста в форме птички и используемое в обряде закликания весны: *С рубиновыми глазами из калины..., весь еще хрупкий, неотвердевший, пламенный, куличок радостно обжигал пальцы, и я перебрасывал его шершавое ореховое тельце с вкусными подпалинами на боках с ладони на ладонь, терпя жар, ликуя и пролепetyвая бабушкино присловье: «Куличок-веснячок! На тебе зиму. А нам лето!»* (Аз-буки, II, 150).

Хлеб в любом виде (колос, зерно, мука, выпечка), считаясь священным, в традиционной обрядовой культуре требует особого к себе отношения, поэтому нарушение установленных веками требований обращения с этим продуктом приводит к отрицательным последствиям: – *Так что не балуй больше. Да и грех – в хлеб ногами сигать...* (Сронилося колечко, II, 276).

Помимо предметного плана сакрализации в обрядовом контексте подвержены и совершаемые действия. В славянской культурной традиции распространены очистительные ритуалы (омовение водой, купание, надевание нового и чистого, уничтожение огнем и др.), проводимые как самостоятельное действие или включенные в обрядовый комплекс. Символическая интерпретация обусловлена признаком чистоты, имеющим как физическое, так и духовно-религиозное измерение и получающим в народной традиции положительную оценку [Славянские древности: 5: 547].

Согласно древним легендам тело человека, оскверненное сатаной, считается нечистым, поэтому в самых переломных жизненных моментах человек должен очиститься от всего греховного. Показательны сцены из

повести Е.И. Носова «Усвятские шлемоносцы», где описывается подготовка усвятских мужчин к отправке на войну: – *И белье возьми чистое. Будет ли вам баня, а ты уже чистый пойдешь, прибранный...* (Усвятские шлемоносцы, IV, 88), – *С самого утра идут мужички. Моются, рубахи новые надевают. Причищаются, можно сказать. Это верно: что в гроб, что на войну – в чистом надо. Не нами такое заведено, потому и нам блюсти* (Усвятские шлемоносцы, IV, 94); *И рубаха на нем была не та – мелким пшеном по блекло-синему застиранному ситцу, неглаженная, но чистая* (Усвятские шлемоносцы, IV, 122). До настоящего времени сохранились традиции, связанные с водой, обладающей очистительной, апотропейной и продуцирующей обрядовой семантикой, которая раскрывается в многочисленных формах ее применения [Славянские древности: 1: 389], и как логическое завершение сакрального омовения водой – надевание (одевание) чистого белья.

Фрагментарные сведения о похоронно-поминальном обряде отражены в носовских рассказах о войне. Например, в рассказе «Шопен, соната номер два», когда мать говорит о своих погибших сыновьях, она отмечает, что одного похоронили с соблюдением всех необходимых ритуалов: – *Степа-то мой у себя лежит, ухоженный...И оградку мы ему поставили, и карточки подменяем* (IV, 285), а у второго сына, без вести пропавшего, даже могилы нет: – *Ох, светы мои батюшки! Ох, неприбранные лежат страдальцы наши* (IV, 286). Такая же мысль о непогребенных, не преданных земле звучит в рассказе «Костер на ветру»: – *А те, братки наши шинельные, уже полвека где попало лежат...Кто под братской плитой, а кто и вовсе неприбранно... Давайте помянем их, бессловесных и безответных...* (IV, 295). В народной речи глагол **прибирать, прибрать** наряду с известными и не известными литературному языку значениями употребляется как процесс ‘похоронить, причитать по покойнику’ [СРНГ: 31: 113].

Нарушение христианских традиций даже не по воле людей все равно считается грехом, который не стирается временем: – *Я за неприбранные кости... Вот кого жалко... Это же они, не прикрытые землей, теперь не дают ходу России. С таким неизбывным грехом неведомо, куда идти. Сохнет у народа душа, руки тяжелеют, не находят дела... И земля не станет рожать, пока плуг о солдатские кости скрежещет...* (Памятная медаль, IV, 342).

Аграрные обряды представлены в произведениях Е.И. Носова **сенокосом** и **травником**. Курский писатель неоднократно описывает процесс покоса травы, подчеркивая значимость этой древней коллективной традиции для каждого и всех участников: *В середине лета по Десне закипали сенокосы....Суходольские косари спускались со знойных бугров и междуречий будто на великое переселение....Ехали целыми семьями – с женами и ребятами, ветхие старички и те увязались. Тряслись в*

новых рубахах, –... будто ехали к причастию (Шумит луговая овсяница, III, 35–36); И теперь, обутый в новые невесомые лапотки, с легкой радостью в ногах притоптывал за косой, выпростав из штанов свежую выстиранную косоворотку. Да и все его крепкое и ладное тело..., азартно возбужденное праздничной работой, коей всегда считалась исконно желанная сенокосная пора, ожидаемая пуце самых хлебных зажинков..., каждый мускул, каждая жилка ...сочились радостью (Усвятские шлемоносцы, IV, 10).

Сельские жители не только чтили давно устоявшиеся обычаи и обряды, но и создавали свои, которые с годами приобретали статус традиции: Издавно заведено было в Усвятах и перешло это в нонешнее время – сразу же, как отсеются, выходить всем миром на подчистку выпасов. И называется это день **травником**. Так и говорилось: Выходь все на травник!.. Да и скликать особо не надобно: на это совместное дело усвятцы сходились охотно. Кто с лопатой, кто с тяжкой, а кто и просто с ножиком выходили от мала до стара... Работа – не работа, праздник – не праздник... (Усвятские шлемоносцы, IV, 91).

Таким образом, включение этнокультурных контекстов в художественную ткань произведений – авторское повествование или монологическую речь персонажей – дает возможность показать кровную, нерушимую связь нашего прошлого и настоящего, «то прочное, несомненное, что опирается на коренные потребности и связи человеческой жизни, хранит трудовой и духовный опыт поколений» [Книга о мастере 1998: 323].

Библиографический список

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1–4. М., 1989–1991.

Книга о мастере: Холмы, и берега Евгения Носова. Очерки творчества. Курск: Крона, 1998.

Ларина Л.И. Терминология свадебного обряда Курского региона в этнолингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1990.

Ларина Л.И. «Покров на дворе! Зима – вот она...» (народный календарь в художественном дискурсе Е.И. Носова) // Курское слово. Курск, 2016. № 14. С. 41–47.

Носов Е.И. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русский путь, 2005. Т. 1–4 (при цитировании указывается произведение, номер тома, страница).

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2014.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–48. М., Л.–СПб.: Наука, 1965–2015.